
Ник Перумов
Эрик Гарднер
Наталья Болдырева
Дарья Зарубина
Сергей Игнатъев
Наталья Караванова
Людмила Минич
Мила Коротич
Юлия Рыженкова
Павел Сидоренко
Максим Тихомиров
Надежда Трофимова
Наталья Федина
Ирина Черкашина
Аркадий Шушпанов
Юстина Южная
Наталья Колесова
Надежда Карпова

Ник
ПЕРУМОВ

и другие

ДЕТИ
ХЕДИНА

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 38

Оформление серии *И. Саукова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Коржа*

Д 38 **Дети Хедина** : сборник рассказов / Н. Перумов,
Э. Гарднер, Н. Болдырева и др. — М. : Эксмо, 2013. —
640 с. — (Ник Перумов).

ISBN 978-5-699-62594-9

Когда-то Хедин, Познавший Тьму — Истинный Маг и великий воин, — с помощью своего брата Ракота сверг Молодых Богов, но... времена меняются, и на смену поколению старых магов приходят новые...

Дети Хедина — какие они? Разные. И у каждого свой, особенный талант. Кто-то знает дорогу в Обитель Забытых Детей. Кто-то мастерски охотится на ведьм. Кому-то ведомо, на что на самом деле способны вампиры и домовые. А кто-то умеет открывать двери Дома Нужного Всем! Но Дети Хедина никогда бы не собрались вместе, если бы не удивительный дар их наставника, непревзойденного Мастера фэнтези...

Магия темная, потусторонняя, и магия светлая, человеческая, в книге Ника Перумова и его учеников!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Перумов Н., Гарднер Э., Болдырева Н.,
Зарубина Д., Игнатьев С., Караванова Н.,
Минич Л., Коротич М., Рыженкова Ю.,
Сидоренко П., Тихомиров М., Трофимова Н.,
Федина Н., Черкашина И., Шушпанов А.,
Южная Ю., Колесова Н., Карпова Н., 2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62594-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Было это давно и неправда», когда ваш покорный слуга впервые оказался в роли «наставника» и «руководителя мастер-класса». Шёл благополучный во всех отношениях 2006-й год, пиратство ещё не поставило официальное книгоиздание на колени, уткнув ему в затылок ствол пистолета, о мировом экономическом кризисе никто не слышал, жизнь казалась безоблачной, ну, или почти безоблачной.

В течение полутора десятков лет до этого я писал в полном одиночестве, особенно после переезда на работу в Америку. Сеть и редкие конвенты были единственным «окном» в русскую среду авторов и читателей фантастики. Возможность поделиться накопленным и взглянуть со стороны на то, что сам я считал «столпами жанра», подкупала, и так я неожиданно для самого себя, по просьбе организаторов Роскона, возглавил «мастер-класс».

С тех пор прошло уже почти семь лет, но мастер-класс или просто МК, стал не просто регулярным. Он превратился в тесно сплочённую группу единомышленников, людей, поддерживающих друг друга, при всём разнообразии писательских стилей и методов.

С тех пор МК собирается регулярно — это если не считать постоянного общения в сети, поистине уничтожившей расстояния. Участники совершенствовались, у них выходили романы и повести, многочисленные рассказы; но не представлялось случая собрать всех этих авторов вместе.

В этом сборнике мы исправляем помянутое выше упущение.

Под одной обложкой здесь встретились самые разнообразные рассказы и небольшие повести. Ни одно не писалось специально «под сборник», нам хотелось представить читателям всю когорту авторов в их изначальном разнообразии.

Но откуда это странное название? Что за «дети Хедина», ведь у него никаких детей никогда не было? Более того, кто помнит мои книги, даже само появление оных грозило ему в бытность Истинным Магом неотвратимой гибелью?

И, сколь бы соблазнительно (и лестно) не было бы мне приписать себе «рождение» представленных в сборнике авторов, это тоже не так: на мастер-класс они пришли уже зрелыми людьми, со своей позицией и тематикой, своими излюбленными приёмами и узнаваемым стилем. Нет, здесь дело в другом: если охарактеризовать одним словом тех, чьи тексты вы найдёте под обложкой, я бы выбрал слово «миро-творцы», с ударением на «ы».

Им интересно именно творить миры. С этого лично у меня начинается любая история — с картины, пейзажа, на фоне которого разворачивается некое действие, сперва, быть может, не совсем понятное даже мне самому. Все, кто пришёл в наш (уже давным-давно не «мой») мастер-класс — все они немного маги, создатели собственных миров, их творцы. Миры самые разные — от небольшого, подобно театральным подмосткам — до огромных, бескрайних вселенных, вроде Упорядоченного.

Всё меняется, изменился и сам мастер-класс — мероприятие, где Мастер учит, наставляет, указывает на ошибки и объясняет, как их исправить, перерос в «семинар» — содружество не подмастерьев, а писателей, каждый из которых имеет собственный голос, творческую манеру. Именно это, своеобразие и необычность каждого, мы и хотели представить в сборнике.

Он — не первый результат работы литературного семинара. Осенью 2012 года стартовал проект «Ник Перумов. Миры», авторами которого стали участники мастер-класса. В хорошо известную читателям вселенную Упорядоченного пришли новые имена, со своим видением и представлением, как должно быть. Я счастлив и горд, что давно придуманный мною мир дал толчок к публикации романов Дарьи Зарубиной и Аркадия Шушпанова, Натальи Каравановой и Эрика Гарднера, что на подходе книги Натальи Болдыревой и Юстины Южной, Сергея Игнатьева и Ирины Черкашиной...

Над проектом семинар работает единой командой. Но авторам приходится творить в пределах вселенной Упорядоченного, вписывать свои образы, идеи, сюжеты в уже знакомый читателю мир.

Здесь же, в этом сборнике, участники семинара получили возможность снова выступить командой, только на этот раз подарить читателю ключи от дверей в свои собственные миры. Миры совершенно разные. Под обложкой «Детей Хедина» собраны и героическая фэнтези, и НФ, и мистика, фантастика боевая, романтическая, социальная. Но главное, что объединяет тексты сборника, это неустанный поиск во всем множестве миров гармонии, чистоты сердца и твердости духа, не формально правильного действия или решения, а верного, истинного, настоящего, идущего от сердца. Поиск того, что мы называем «миром в душе», в микрокосме, вселенной, уместившейся в одном человеке. «Миро-творцы» из литсеминара не насаждают мир, но пытаются сделать то, что важно читателю сейчас — принести мир в душу читателя. Дать надежду. Истории, рассказанные авторами сборника, печальные или светлые, яркие или меланхолично-задумчивые, оставляют одно общее ощущение — того, что непримиримые, казалось бы, конфликты разрешимы, что в самую страшную минуту найдутся силы бороться и жить, что всегда есть то, ради чего продолжать жизнь и борьбу. Люди, не совсем люди, да и совсем не

люди приходят на помощь друг другу, Судьба благоволит не сильным, а чистым сердцем. И всегда есть вера в то, что, даже если все плохо, «все будет хорошо».

Сборник назван «Дети Хедина» не потому, что ваш покорный слуга «породил» литературные карьеры его участников, а потому, что подобно Хедину каждый из них может и умеет творить собственные миры. Миры, куда читатели готовы идти следом за автором. Мало придумать «мир с зелёным солнцем», как говорил профессор Толкиен, мало даже обосновать наличие в нём именно зелёного светила; важно, чтобы за автором туда последовал бы читатель, увлечённый именно характерами персонажей, а не просто красивыми декорациями. Не тратя драгоценное время читателя, кратко представим авторов сборника и их рассказы.

Открывает книгу повесть «Отцова забота», однако о ней мы по понятным причинам поговорим в самом конце.

Оля Баумгертнер, автор «Охотника за ведьмами», уже опубликовала три книги: «Колдовская компания», «Связующая магия» и «Коготь дракона». Оля — рассказчик спокойный и обстоятельный. В «Охотнике...» она намеренно обращается к классическому сюжету — мы и они, люди и колдовской народ, что дальше? Непонимание, страх, презрение, ненависть? И как можно пройти по грани меж этих двух миров, поражая худшее, что есть в обоих, и стараясь спасти лучшее? Ян, герой «Охотника...» как раз и отказывается от навязшего в зубах «выбора», не решает «с кем быть». Он раз и навсегда решил, что останется на стороне собственной совести. Кто-то из читателей, возможно, не согласится с его выбором, но так именно это и является задачей автора — предложить читателю самому решить, что правильно и что нет.

Наталья Болдырева запомнилась своим дебютным романом «Ключ». В настоящем сборнике она выступает с рассказом «Продавцы надежды». Всесильные технологии порождают веру в себя ничуть не менее сильную,

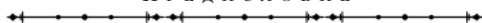
чем мировые религии. Но потом вера замыкает круг, ибо, хоть и сильна, и способна сподвигнуть на великие дела, точно так же способна сделать человека рабом своей собственной веры. И дорога к другим начинается с шага к себе самому...

«Весенний трамвай» Дарьи Зарубиной, что дебютировала романом «Свеча Хрофта» в рамках уже упоминавшегося выше проекта — рассказ-акварель, рассказ-звучание. Рассказ о времени, что не всеильно, о тайне, кроющейся под нашими ногами. Поэтика старого города, трамвая, соединившего причудливой сетью человеческие судьбы. Рассказ о надежде, о том грозном чуде, что удаётся повернуть на пользу хорошим людям, побеждающим, как и положено. И не надо думать, что линии волшебного трамвая проложены в вашем городе, как того захотелось каким-то скучным проектным конторам...

Сергей Игнатьев соединяет в «Маяке для Нагльфара» классичность советской военной прозы с мистикой Третьего рейха. Новому поколению русской фантастики нельзя уходить и отказываться от темы Великой Отечественной, чем дальше, тем более важным это окажется для сохранения нашей культурной идентичности.

Наталья Караванова также дебютировала в крупной форме романом «Сердце твари», выпущенной в рамках проекта «Миры». Её рассказ «Там» — история выбора, а бы сказал — азбука того, как оставаться человеком, когда, казалось бы, никакого выбора нет и быть не может. Лаконично и жутко, нарочито сдержанным, повседневным языком, внезапно перемежающимся вспышкой чувств, как костёр в ночи.

Повесть Людмилы Минич «Широкими мазками» — неторопливый в сюжетном плане текст, основное действие которого сосредоточено во внутреннем мире героев. Это сложнейшая химия единственного касания двух судеб, итог которого — еще одна спасенная, а может — навеки отравленная прикосновением к невыразимому потерянная душа.

Если бы был такой официальный жанр — семейная фантастическая литература, то его ярким образцом стал бы рассказ Милы Коротич «Пылесос». Даже не семейная фантастика — мамина. Это удивительно яркий, чуть ироничный сплав фантастики, притчи и доброй сказки с хорошим и спокойным концом, которую рассказывает на ночь мама. И после этой сказки не боишься спать без света, потому что за стеной твои родители — самые сильные, надежные и мудрые люди на земле, почти супергерои. Почти?

Текст Юлии Рыженковой «Джем» — это нерв, это обнаженные высоковольтные линии чувств и эмоций, напряжение которых захлестывает героев, ломая, калеча и одновременно очищая. Таков же и стиль рассказа — рваный, мучительно-искренний. Героиня Юли оказывается удивительно сильной в своей чувственной беззащитности.

Не таков герой рассказа Павла Сидоренко «Отражение. Гамма-синий». Это беглец. Он не готов остаться лицом к лицу со своим страхом, он предпочитает отправиться на край вселенной за призрачной надеждой. Но все оказывается не тем, чем кажется. Но... не будем раскрывать интриги.

«Лилипуты в Бробдингнеге» Максима Тихомирова — рассказ-загадка, рассказ-игра. Зажатое в тисках голода человечество вроде бы отыскало решение задачи, открыло неиссякаемый источник пропитания. Но... полноте, человечество ли? Или что-то его только напоминающее? Или что-то совсем иное, чужое и жуткое, только принявшее облик человечества? Персонажи Свифта? Мы нынешние? Те, кто пришёл нам на смену?... Но, кто бы то ни оказался, он не может называть себя человеком, если его ведет лишь одно желание — набить брюхо.

В более традиционной фэнтезийной манере выполнена повесть Надежды Трофимовой «Черный брат». Средневековый монастырь, молодой отступник, в чьем сердце вступили в последний поединок долг и чувство.

И неожиданная развязка, расставляющая все по своим местам. Благодаря неторопливому и ровному стилю повести не замечаешь, как с головой погружаешься в мир черных братьев, как захватывает и увлекает история и до самой последней страницы не отпускает напряженное ожидание развязки.

Женщина творит новые жизни. Это её величайшее предназначение. Но что делать, если, как в рассказе «А-кушерка» Натальи Фединой, рождение маленького человечка становится сродни работе сапёра? Если работа акушерки — не только помогать прийти в этот мир, но и безжалостно уничтожать рождающихся «иных», что опаснее атомной бомбы, как совместить великий женский долг и призвание с этой беспощадностью? где проходит граница и есть ли она вообще?

Дивный новый мир в рассказе Ирины Черкашиной «Путь атлантов» — о ловушке, что расставляет коварное совершенство, о том, как, стремясь «дать счастье», разум зачастую убирает саму необходимость думать, стремиться, бороться, искать. Наша сила есть продолжение наших слабостей, и что случится с ней, если убрать их, если избавиться от недостатков и ограничений?

Рассказ Аркадия Шушпанова «Служивый и компания» можно было бы назвать социальной фантастикой, но это не плакатно-едкая, хлесткая сатира на общество, а пронзительно-печальная история о судьбе, истории, памяти человека и человечества. «Служивый» — рассказ о дружбе, памяти, об ответственности перед собой и о человечности. Но хранители этой человечности... не всем люди.

Юстина Южная в «Чужой» шаг за шагом следит за безумной любовью, за тем, что за любовь принимают. Но на самом деле самой любви там вовсе нет. Есть её призрак, мучительные воспоминания, разрываемые с кровью связи душ и сердец. Произведённый во спасение «обмен разумов» оборачивается напрасной жертвой ради своей и чужой любви. «Чужая» — это кровь сердца,

сродни лебединой песне. В ней слышен чистый и сильный голос чувства — то, что отличает все тексты Юстины Южной.

Герой повести Натальи Колесовой — дом. Таинственный, открытый, как сердце его хозяйки. Дом-перекресток и дом-приют. Воплощенная надежда, которой так не хватает в этой вселенной одиночества и потерь. «Дом» — лиричная, очень женская проза.

Надежда Карпова в рассказе «Фея света» предлагает нам взглянуть на сложный и запутанный мир, где властвует загадочная всемирная сеть Вирж, но взглянуть — глазами совсем молоденькой, наивной и романтической девушки. Аинде предстоит решить — верить или не верить, простить или лелеять обиду, позволить себя защитить или стать защитницей близких, феей света.

«Отцова забота» — рассказ о вечных темах, о долге и ответственности, о верности и о прощении. Об умении простить даже то, что, казалось бы, простить невозможно. Повесть нельзя разобрать на части и рассортировать, «кто что делал».

Каждое слово, каждый образ — независимо от того, кем был предложен вначале — стал общим. Нет нужды вдаваться в подробности, «кто что придумал». Соавторство позволило взглянуть на события с двух сторон, ярче показать то, что каждый из нас по отдельности, быть может, оставил бы без внимания. Мне кажется, получилось интересно. Но окончательный вердикт может вынести только читатель...

В нашем мастер-классе нет заданных тем или излюбленных жанров, есть только один критерий — писать интересно. Надеюсь, так же интересно будет и читателю, что откроет этот сборник, что он найдёт для себя авторов по душе, и эти рассказы станут только первым шагом к новым книгам.

Ник Перумов

Ник Перумов, Дарья Зарубина

ОТЦОВА ЗАБОТА

— Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!..

*Б. Л. Васильев.
А зори здесь тихие...*

— Угарова! Матюшин! Машка, Игорь, оглохли, что ли? Машка обернулась первой. Она всегда реагировала на долю секунды раньше Игоря. И раньше, в детстве, умудрялась осалить его в первую же секунду игры, и Игорю приходилось гоняться за ней по двору, пока Машке самой не надоест бегать. И потом, на фронте, когда фриц уже выцеливал его из засады, Машка успела выстрелить раньше. За тот фронтовой должок Игорь так и не рассчитался — развела их война, его на Первый Украинский, ее на Первый Белорусский, — зато поднакопил новых за время учебы. То там Рыжая вытянет, то тут подскажет. Вот и сейчас оказалась быстрее, перехватила бегущего Фимку, выросла перед ним, не дав налететь на Игоря.

— Ефим, ты чего кричишь?

— Чего, чего! Декан срочно вызывает, вас обоих. Виктор Арнольдович сказал, немедля, мол, из-под земли, Ефим, голубчик...

— Иди в баню, Фим, — оборвал Игорь, — честное слово, не до шуток. Ты-то уже отмучился. А нам еще до распределения...

— Два пучка нервов и один холодный труп, если будешь куражиться, — саркастически подхватила Машка. — Так что... ха-ха отменяется. В очереди стоим. Талоны на светлое завтра получать.

Стояли они вовсе не в очереди. А в холле второго этажа возле большого окна. Очередь была рядом, за поворотом коридора.

Возле одной из аудиторий, где на высоких, до потолка, дверях красовалась начищенная до нестерпимого сияния бронзовая табличка «Государственная комиссия по распределению», в коридоре толпилось около сотни парней и девчат. Почти половина ребят — в несколько уже поношенной, хотя сегодня выстиранной и отглаженной военной форме, очень многие — с желтыми и красными нашивками за ранение на правой стороне груди и орденскими колодочками на левой. Остальные были в темно-синих двубортных костюмах с петлицами, явно форменного вида. И тут у многих виднелась россыпь наградных лент. Девчонки надели строгие, ниже колена, темные платья. И только те, кто не успел повоевать или не хотел вспоминать о том, что успел, оделись так, как велела погода, — в светлые пары и платьица-восьмиклинки, явно перешитые из чьих-то довоенных нарядов. Форменное платье было и на стоявшей у окна Машке. Игорь был уверен: Уварова наденет другое — зеленое — цвета травы, она еще на фронте все мечтала о том, как выучится и придет на распределение в зеленом. Но, видимо, передумала. Кто мог понять эту Машку?..

А за окном виднелись недавно подстриженные старые каштаны и скамейки, где уже рассаживались счастливицы, получившие распределение. Кто-то радостно размахивал руками, рисуя размашистыми жестами блестящую картину собственного будущего. Кто-то хмуро выковыривал носком начищенного сапога пробившуюся между каменными плитами травку. Не повезло — не в секретный институт, не на самоновейший завод, а куда-

нибудь в глубинку, поднимать сельское хозяйство или выковыривать из полей и готовящихся к осушению болот оставшуюся с войны смертоносную «память»: неразорвавшиеся снаряды, мины...

Машка отвернулась от окна. Уселась на подоконник. Игорь не мог оторвать взгляда от заполняющегося выпускниками двора.

— Я получил, — не утерпел Фимка, уж очень хотелось похвастаться. — В институте останусь. На кафедре непрямых и скрытых воздействий. А вам Арнольдич как раз и велел передать, мол, за распределение надо поговорить. Так что давайте, давайте, ноги в руки и вперед! Отец ждать не любит.

Виктор Арнольдич и правда был из тех, кто ждать не умел. Да и где ему было научиться? — каждое слово его исполнялось мгновенно, потому что от одного укоризненно-печального взгляда декана все внутри переворачивалось, и казалось, что ты не урок недоучил, не лекцию пропустил, а Родину предал. Он никогда не повышал голоса, со всеми был дружески-ласков. И потому все звали декана просто Арнольдичем, а чаще — Отцом. Не по фамильярно-фронтovому «батей», который и от губы отмажет, и на что иное глаза закроет, коль дело знаешь, а именно Отцом. Строгим, но справедливым. Даже присказка имелась у старших курсов: «Бога побойся, Отца не позорь». Словно наделили декана особым даром, не то чтобы магическим — магов здесь на каждом углу хватало. Просто было в нем что-то, в добром его мудром взгляде, в тембре голоса, отчего — попроси он отдежурить лишний день, сгонять в город с документами, выучить за ночь новую тему и на завтра лекцию младшим курсам прочитать — хотелось тотчас броситься: выполнить, выдержать, оправдать.

— Идем, Игорек. Девчонки! Света, Таня, очередь придержите? Арнольдичу мы зачем-то понадобились...